

*Я полагаю, будет верно и правильно, благонравно
и целомудренно осознать свое главное предназначение
и вцепиться в него зубами, повиснуть на нем всем телом
и следовать за ним всюду, куда оно поведет. Тогда даже
смерть, которой неизбежно окончится жизнь, какой бы
она ни была, не сможет вас разлучить.*

ЭННИ ДИЛЛАРД. ЖИТЬ КАК ГОРНОСТАЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

13

ГЛАВА 1
АРТЕМИЗИЯ ДЖЕНТИЛЕСКИ

19

ГЛАВА 2
ЮДИТ ЛЕЙСТЕР

31

ГЛАВА 3
АДЕЛАИДА ЛАБИЙ-ГИЙАР

39

ГЛАВА 4
МАРИ-ДЕНИЗ ВИЛЬЕР

51

ГЛАВА 5
РОЗА БОНЁР

61

ГЛАВА 6
ЭДМОНИЯ ЛЬЮИС

73

ГЛАВА 7
ПАУЛА МОДЕРЗОН-БЕККЕР

85

ГЛАВА 8
ВАНЕССА БЕЛЛ

97

ГЛАВА 9
ЭЛИС НИЛ

105

ГЛАВА 10
ЛИ КРАСНЕР

115

ГЛАВА 11
ЛУИЗА БУРЖУА

125

ГЛАВА 12
РУТ АСАВА

135

ГЛАВА 13
АНА МЕНДЬЕТА

145

ГЛАВА 14
КАРА УОКЕР

153

ГЛАВА 15
СЬЮЗЕН О'МАЛЛИ

163

БЛАГОДАРНОСТИ

174

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

175

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

178

УКАЗАТЕЛЬ

184

ВВЕДЕНИЕ

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ в 1987 году, весной моего первого года учебы в Калифорнии. В ту пору я была еще подростком, хотя уже и не совсем, и целыми днями думала о том, какой след мне суждено оставить в мире. Сделав шаг, казавшийся бессмысленным всем, в том числе и мне самой, я выбрала своей специализацией историю искусств — тему, о которой совершенно ничего не знала. Но почему-то мне больше всего хотелось разбираться именно в искусстве. И я окунулась в него с головой — девчонка, выросшая на холмистых равнинах Монтаны, в городе, где был всего один музей, посвященный творчеству местного ковбоя-художника Чарли Рассела.

Той весной меня охватил восторг: наконец-то учебная программа дошла до XX века и в ней был курс, посвященный современному американскому искусству. После трех тысячелетий, наполненных богами, обнаженными телами, королями, святыми и лодочными прогулками по Сене, я наконец почувствовала себя уверенно. Курс начался с художников-регионалистов, Томаса Харта Бентона и Гранта Вуда, чьи простодушные картины были так похожи на те, среди которых я росла.

Курс читала единственная среди моих преподавателей женщина-профессор, специально приглашенная из Техаса. У нее были длинные непослушные рыжие волосы, она носила мужские белые рубашки и джинсы с ковбойскими сапогами. Ходила с тростью и произносила слова с едва уловимым протяжным тexasским выговором. Я ее обожала.

И потому, когда я записала в блокнот ее слова: «А теперь об абстрактном искусстве... Оно великое, прекрасное и настоящее», я поверила в это всем сердцем. Впервые я увидела в произведениях искусства, высвеченных на больших экранах в огромной аудитории, не работы *такого-то периода* или *такого-то художника*, а самоценные объекты; увидела попытки — иногда прекрасные, иногда не очень — отдельного человеческого существа обратиться... ну, скажем, ко всему человечеству. И даже ко мне — бледнолицей невежественной девушке, почти ребенку, с крашеными черными волосами и свежепроколотым носом. Весьма романтично — было от чего потерять голову.

И все-таки чувствовалось что-то еще. Какая-то мелочь, которую я никак не могла ухватить. И это не давало мне покоя. Для полноты картины не хватало самой малости, но я не понимала, чего именно.

На второй неделе изучения современного американского искусства мы прочно обосновались в Нью-Йорке и лишь краем глаза заглядывали в Европу, чтобы узнать, что там происходит. Или следовали за Дюшаном, Дали, Мондрианом и десятками других художников, стремившихся в Манхэттен. Совсем изредка упоминалась какая-нибудь жена художника или натурщица. В основном мне нравилось то, что я видела, я делала записи и старалась ни о чем больше не беспокоиться.

Но однажды наша рыжеволосая профессорша не выключила свет. Она просто начала говорить, опираясь под острым углом на свою трость. Поглядывая в свои записи, она с видимым удовольствием рассказывала историю некоего Джексона Поллока, который родился в Вайоминге и учился в средней школе в Калифорнии. Я подалась вперед. Я и не знала, что на американском Западе тоже были великие художники.

Она надела очки, улыбнулась и прочитала слова, которые молодой Джексон — ему было примерно столько лет, сколько мне тогда, — написал в анкете: «Что касается того, кем я хотел бы быть. Сложно сказать. Кем-то вроде художника».

Весь мир сузился до маленькой точки — фигурки моей преподавательницы на кафедре. Мелкое беспокойство снова дало о себе знать, но, пока я пыталась определить его источник и смысл, свет погас, и на экране появились две восхитительные картины. Одну из них написал Поллок, другую — некто по имени Ли Краснер. «Это его жена», — уточнила профессор, снимая очки. Да, Ли была женщиной, была художницей, и она была хороша.

Мелкое беспокойство превратилось в звук, в голове словно завывала сирена — и так сильно, что я пропустила мимо ушей почти весь остаток лекции. Занятие закончилось, и, топая армейскими башмаками, я отправилась в библиотеку искусств, где взяла три книги о Джексоне Поллоке.

Книг, посвященных Ли Краснер, не было, поэтому мне пришлось узнавать о ней через ее мужа. Оказалось, она раньше него вступила в Лигу студентов-художников и достигла таких успехов, что ее наставник Ганс Гофман сделал ей высочайший комплимент: «Это настолько хорошо — и не подумаешь, что писала женщина».

Я закрыла книгу и вспомнила все те издания по искусству, на которых я выросла.

В моей семье хранилась серия издательства Time Life с биографиями выдающихся художников. Десятки томов стояли на полке в кабинете отца, все в одинаковых серых переплетах, но посвященные разным художникам и скульпторам. В течение многих лет я любила эту серию — примерно до тех пор, пока в десятилетнем возрасте внезапно не осознала, что в ней нет ни одной книги о женщине. Тогда передо мной открылась еще одна ужасная правда взрослых: девочки не могут быть великими художниками. С тех пор эти книги только расстраивали меня.

Я подошла к своему шкафчику в библиотеке искусств и достала наш главный учебник — «Историю искусств» (History of Art) Хорста Янсона. Водрузила увесистый том на стол и принялась его листать. Наконец лишь на пятисотой странице, в разделе итальянского барокко начала XVII века, я увидела имя — *Артемизия Джентилески* — и слова: «До этого времени женщины-художницы нам не встречались». Я записала ее имя и затем медленно, страница за страницей, просмотрела книгу до конца. Когда я дошла до тыльной стороны переплета, передо мной уже лежал список: шестнадцать женских имен, среди которых было имя *Ли Краснер*. Это все, что могла предложить мне «официальная» более чем восьмисотстраничная история искусств:

Артемизия Джентилески, Элизабет Виже-Лебрен, Роза Бонёр, Берта Моризо, Мэри Кэссетт, Гертруда Кезебир, Джорджия О'Кифф, Ли Краснер, Хелен Франкенталер, Джуди Пфафф, Одри Флэк, Барбара Хепурт, Маргарет Бурк-Уайт, Доротея Ланге, Беренис Эбботт, Джоан Леонард.

Во время консультации со своим профессором я упомянула художниц из книги Янсона. Ни об одной из них, кроме Мэри Кэссетт и Джорджии О'Кифф, а теперь и Ли Краснер, я никогда раньше не слышала.

В ответ раздался хриплый прокуренный смешок: «Вам досталось новое издание! В нашем вообще не было ни одной одетой женщины. — Она широко взмахнула рукой, словно отгоняя дым. — Были, конечно, но вы понимаете, о чем я... Ни одной женщины-художника». Она разрешила мне написать курсовую работу о Ли Краснер, предупредив, что найти источники будет трудно.

Так и случилось.

Однако всякий раз, когда выпадала возможность, я старалась как можно больше узнать о женщинах из своего «списка Янсона». Одни не слишком меня заинтересовали, но другие — Джентилески, Краснер или Роза Бонёр, беспашашная художница-анималистка XIX века, — о них мне всего было мало. Кроме того, я обнаружила невероятных женщин, не вошедших в учебник. Например, Эдмония Льюис, в которой смешалась кровь афроамериканцев и индейцев чиппева. Она выросла в годы Гражданской войны, а затем много лет успешно работала скульптором в Риме. Или Фрида Кало, которая, хотите верьте, хотите нет, как раз в то время начала появляться вместе с Че Геварой в нашем кампусе — на футболках латиноамериканских активистов. Фриды Кало тоже не было в моем списке; правда, несколько лет до описываемых событий вышла ее первая биография на английском, и я нашла экземпляр, но вовсе не в библиотеке искусств, а в центральной библиотеке.

Тогда я называла себя феминисткой (и сейчас тоже), но моя одержимость художницами выходила за рамки феминизма, а может быть, вообще не имела к нему отношения.

Я жила жизнью этих женщин точно так же, как мои друзья, слушавшие Joy Division, The Clash, Hüsker Dü, погружались в мир рока. Каким-то странным образом я ощущала свою связь с женщинами-художницами: они понимали меня и они принадлежали мне.

Янсон писал свою «Историю искусств» — настольную книгу любого искусствоведа, — когда преподавал в Институте изящных искусств Нью-Йоркского университета. Позже я училась там в магистратуре. На курсе Герта Шиффа, посвященном немецкому экспрессионизму, я открыла для себя Паулу Модерзон-Беккер. Работы рано умершей художницы предвосхитили появление дерзкого и авангардистского немецкого модернизма. Меня глубоко потрясли ее картины и дневники; я читала их на английском и досадовала — далеко не в последний раз — на свой бедный немецкий, хотя для проходного балла его хватило.

С французским дело обстояло лучше. На семинаре Роберта Розенблюма, посвященном Жаку-Луи Давиду, на втором году обучения в магистратуре мне поручили сделать доклад о портретистке Аделаиде Лабий-Гийар, о которой почти не было материалов на английском языке. В Метрополитен-музее (он стоит через дорогу), наверху в галерее, над парадной лестницей, висел монументальный автопортрет Лабий-Гийар с двумя ученицами. Почти каждый день я подходила к нему и подолгу вглядывалась в лицо художницы, смотревшей с холста пристально и уверенно. Убежденностью в собственной правоте и чем-то еще очень важным она не только подавала пример своим ученицам, но и формировала мое поведение.

Работала я усердно. Что говорить, мне хотелось сделать хороший доклад, но еще больше — узнать о самой Лабий-Гийар. Кем была она, эта потрясающая женщина и виртуозная художница, забытая историей? И самое важное, мною овладело буквально нездоровое, почти постыдное любопытство: мне просто требовалось знать все о ее участии.

Однажды я провела целый день в библиотеке Института изящных искусств. И вот поздно вечером, вырвавшись из XVIII столетия и дебрей французского языка, я вернулась домой, выключила в комнате свет, зажгла свечи в стаканах, купленных в винной лавке за углом. Сегодня мне довелось узнать, что Лабий-Гийар пришлось сжечь свое самое грандиозное произведение. Свечи мерцали, в стереомагнитофоне поскрипывала кассета с Velvet Underground, я стояла у окна, жевала печенье с шоколадной крошкой, запивала его пивом, всматривалась в мелькавшие за стеклом фигуры людей, машины, огни и спрашивала себя, почему когда-то мне пришло в голову изучать историю искусства.

Еще три большие бутылки пива — ровно половина упаковки. Еще один альбом Velvet Underground. И меня внезапно осенило: *я хочу сама заниматься творчеством, а не изучать чужое. Я приехала в Нью-Йорк, чтобы стать писателем.*

*****

Великие жизни вдохновляют.

Великое искусство меняет жизнь.

Творческие судьбы пятнадцати художниц, о которых пойдет речь, поражают своим многообразием: от всепобеждающей славы до непроходимой безвестности. Но у каждой из них есть своя история, которая кому-то поможет продрасть сквозь забвение, а кого-то даже заставит пересмотреть собственные представления об искусстве и успехе.

*****

Не так давно на коктейльной вечеринке приятельница спросила, над чем я работаю. «Пишу о своих любимых художниках», — с удовольствием ответила я. «О каких?» — потягивая коктейль, поинтересовалась, ухмыльнувшись, приятельница. Полагаю, она сразу вообразила неистовых латиноамериканцев-монументалистов или какого-нибудь полуголого художника-акциониста. Я успела произнести лишь одно слово — *барокко*. Приятельница поставила бокал и сказала: «Самый ужасный курс в колледже — история искусств. Такая скука». «Может, тебе просто не повезло

с преподавателем...» — парировала я, собираясь поддразнить ее пикантной искусствоведческой фишкой, но она, увидев у меня за спиной что-то более интересное, устремилась туда.

Мне кажется, стоит заключить небольшое соглашение, прежде чем мы начнем. Условимся с самого начала: вы оставляете за порогом данной книги все рвотные позывы, которые вызывает у вас старое доброе искусство. Подавите их. Или пойдите прогуляйтесь. Давайте договоримся: пока мы вместе, да не убоимся мы ни корсетов, ни грудных младенцев-спасителей, ни мужчин в цилиндрах и шейных платках, ни персикового великолепия необъятных бедер в ямочках.

Давайте не будем судить, пока не узнаем больше.

*****

Когда я была студенткой, мой первый куратор оплачивал свою учебу в магистратуре деньгами, которые не самым честным путем выигрывал в бильярд. Как профессиональный бильярдный шулер, он пользовался творческим псевдонимом *Санта-Барбара Джим*. Несмотря на прискорбную банальность своего прозвища, С.-Б. Дж. жил лучше любого аспиранта. Он носил щегольские льняные пиджаки и коньячного цвета ботинки с перфорированными носками. Мастерски орудовал кием и разбирался в людях. Союз сих ценных качеств позволял ему неплохо зарабатывать на жизнь.

Кроме того, С.-Б. Дж. даже имел собственное представление об искусстве. «Настоящее искусство, — сказал он однажды, — очень сексуально, мужчине оно заводит». Целью было смутить девушку, но меня это восхитило, и я занесла его максимум в свой блокнот, поместив ее рядом с такими терминами, как французский *œuvre* — «творчество, произведение, строение» — и итальянский *sfumato* — «затушеванный, окутанный дымкой». Мне понравилось слушать его сальности об искусстве. Возможно, более сознательная студентка отвергла бы гендерно окрашенные фразочки, но я не стала. В конце концов, рассуждения С.-Б. Дж. о том, как его *возбуждает* искусство, я отнесла бы на счет образности речи. Великое произведение должно воздействовать не только на наш интеллект, но и на нашу физиологию. А хорошая доза эротической встряски никак не вступает в противоречие с нашим тонким вкусом.

И потом, вряд ли вы узнаете, что именно вас заводит, пока этого не произойдет.

*****

Давайте приступим.

